

П. Штомпка

ОДНА СОЦИОЛОГИЯ ИЛИ МНОГО?*

Вопрос о том, существует ли испанская физика, польская химия или датская астрономия, не имеет смысла (за исключением тривиального институционального смысла: наука, как и все другие виды деятельности человека, где-то практикуется). Аргументы в пользу специфики советской математики, выдвинутые во времена сталинизма, звучат сегодня как плохая шутка. Это потому, что у естественных наук есть только один универсальный объект — природный мир, который одинаково функционирует в Испании, Польше, Дании и сталинской России, и один универсальный метод, общие стандарты проведения исследований, приемлемые, по крайней мере, пока принимается определенная парадигма (Kuhn 1970). С другой стороны, мы свободно говорим о немецкой музыке, французском искусстве, итальянской архитектуре, латиноамериканской литературе. Искусство отличается от науки, оно укоренено в конкретной истории, местной традиции, духовной атмосфере, даже можно сказать, что оно отражает «национальный характер» (если это понятие рассматривать не в генетическом, а в чисто историческом смысле). Каково же место социальных или гуманитарных наук, если существуют, с одной стороны, естественные науки, а с другой, искусство?

Ответ: как раз посередине. Одни дисциплины тяготеют к искусству, и поэтому вполне естественно говорить о британской, немецкой или французской философии. Другие склоняются к естественным наукам, и поэтому не так часто можно услышать о шведской экспериментальной психологии или греческой микроэкономике. В общем, гуманитарные науки ближе к искусству, чем поведенческие науки, которые ближе к наукам естественным. Некоторые социологи отмечали промежуточный характер социологии, которая отчасти наука, а отчасти искусство. Нейл Смелзер считает это преимущест-

* Перевод выполнен по изданию: Sztompka P. One sociology or many? // The ISA Handbook of Diverse Sociological Traditions / Ed. by Sujata Patel. SAGE, 2010. P. 21–28.

вом, когда он говорит о «пользе существования в поле, которое отказывается замыкаться в какой-то одной парадигме с угрозой истощения, но скорее сохраняет качества интеллектуальной открытости и воображения» (Smelser 1994: 8). Именно этот промежуточный статус — причина того, что вопрос «Одна социология или много?» звучит вновь.

Теоретический и методологический плюрализм

Социология — это плюралистическая дисциплина в двух смыслах. Во-первых, существует теоретический и методологический плюрализм. Социология всегда была мультипарадигмальной наукой. Конечно, были периоды, когда господство принадлежало какой-то одной парадигме. Иногда это было связано со спонтанным, широким принятием некоторых влиятельных моделей или методов, как в случае со структурным функционализмом в середине двадцатого века. Иногда это объяснялось интеллектуальной модой, как в случае с постмодернизмом в конце века. Иногда парадигма навязывалась сверху под политическим и идеологическим давлением, как в случае с марксизмом-ленинизмом в Советском Союзе и Восточной Европе. Но даже в последнем случае другие взгляды существовали, и доминирующая доктрина никогда не достигала полного господства.

Таким образом, в социологии всегда существовало несколько различных теоретических и методологических ориентаций, различных подходов к изучению общества — как это описывается в учебниках по истории социологии или современной социологической теории. Признание и оценка этого факта ведет к двум крайним взглядам. На одном полюсе находится догматизм, который рассматривает множественность как помеху и настаивает на принятии только одного направления или пытается синтезировать различные направления на пути к единой объединяющей и единственно верной теории. На другом полюсе располагается теоретический анархизм, считающий все теории равноценными и не позволяющий оценивать различные теории или выстраивать между ними иерархии. Можно утверждать, что между этими двумя полюсами все позволено. Это совет, который Роберт Мертон дал, говоря о «дисциплинированном эклектизме» (Sztompka 1986: 115–118). По мнению Мертона, плюрализм нужно рассматривать как преимущество, а не как помеху, и социологи должны черпать из всех доступных теорий понятия и модели, подходящие для понимания конкретной социологической проблемы. Исследовательская проблема — это последний критерий отбора. Социологическое исследование не является теоретически закрытым, оно, скорее, проблемно ориентированно. И если альтернатива «много социологий или одна социология» понимается как «много теорий или одна теория», то реше-

ние таково: все доступные теории, относящиеся к конкретной исследовательской проблеме. То же самое верно и для социологических методов и техник исследования, с которыми нужно обращаться как с открытым набором инструментов для решения исследовательского вопроса.

Локальный плюрализм — национальный, региональный, цивилизационный

Однако это не тот смысл плюрализма, с которым мы в основном сталкиваемся сегодня. Есть другой тип плюрализма: локализованный плюрализм национальных социологий, региональных социологий, или социологий, связанных с отдельными цивилизациями. Это то, что имеется в виду, когда мы говорим о польской социологии, британской социологии, африканской социологии, западной социологии. Попробуем разобраться в том, что может под этим подразумеваться. Есть десять оснований, на которых может покоиться такая специфика различных социологий.

1. Длительное время идея общества рассматривалась *параллельно с национальным государством*. Ульрих Бек называет это допущением «методологического индивидуализма», основанным на «теории человеческого существования в национальной тюрьме» (Beck 2006: 12). Бек утверждает, что: «До недавнего времени она доминировала в социологии и других социальных науках, основываясь на предположении о том, что они структурированы по национальному признаку. Результатом была система национальных государств и соответствующих национальных социологий, которые определяют свои специфические общества в понятиях, связанных с национальным государством. Из-за национального мировоззрения национальное государство создает и контролирует “контейнер” общества и тем самым одновременно задает границы социологии» (Beck 2006: 2). Социологи мыслили свой предмет как население, группы людей, институты, организации и культуры, определенные государственными границами. В этом смысле французская социология просто означает изучение французского общества, итальянская социология — изучение Италии, американская социология — изучение Соединенных Штатов. Этот смысл близок к понятию «региональных исследований», которое обозначает сосредоточение проблематики на специфических географических или политических областях.
2. Часто случается, что разнообразие исторических путей, геополитическое положение, природное окружение и другие обстоятельства приводят к *различиям в основных социальных проблемах* данной страны, в определении ее граждан, что отражается в уникальных проблемных очертаниях

социологии в определении социологов — специфическое для страны выражение *социологических проблем*. Например, посткоммунистическая трансформация, возрождение гражданского общества, демократизация, маркетизация и модернизация — преобладающие исследовательские темы в Центральной и Восточной Европе; бедность, голод, племенные конфликты, СПИД — для постколониальных африканских обществ; напряженность расовых отношений, проблемы меньшинств, ассимиляция, преступность — для американской социологии; национализм и идентичность в период интеграции — для западноевропейской социологии, и подавление и культурная ассимиляция аборигенов — для социологии австралийской.

3. Иногда в социологии данной страны или региона господствует *определенное теоретическое или методологическое направление* или школа, например, долгое время марксистская социология в коммунистических странах, структурный функционализм в США, постмодернизм во Франции.
4. Разновидностью этого является *господствующее влияние какой-либо личности*, отца-основателя или особенно влиятельного представителя национальной социологии: Дюркгейма во Франции, Вебера в Германии, Парето в Италии, Знанецкого в Польше, Парсонса в Соединенных Штатах, Элиаса в Нидерландах.
5. Своеобразие национальной социологии может проявляться и в традиционной *связи с другими дисциплинами*, особенно в момент ее появления: союз с историей и историографией в Европе девятнадцатого века, с философией и лингвистикой во Франции, с психологией в США, с социальной антропологией в Великобритании и с этнографией в Польше.
6. По-разному ставятся акценты в *предпочитаемых типах исследования*: эмпирические (знаменитые «конкретные социологические исследования», означающие простую социальную статистику в советской России), абстрактно теоретические (Германия), философские (Франция), социально ориентированные (Скандинавия). Они проявляются в различных национальных «стилях» социологического труда. Они могут изменяться исторически. Например, теория несколько раз пересекает Атлантику: преобладая в Европе в классический период, «эмигрирует» в Америку и затем возвращается в Европу в конце двадцатого века.
7. *Язык выражения и сообщения социологических идей* может иметь независимое влияние на стиль исследования: английский способствует более аналитическому, холодному, отстраненному стилю англосаксонской социологии; немецкий предполагает более вовлеченный, плотный философский дискурс; французский — более экспрессивное, квазилитературное, эссеистическое повествование, полное нюансов и намеков.

8. Если вместе со многими авторами предположить, что не существует социологии, лишенной ценностей, то социологии могут *различаться типами ценностей, стереотипов, предрассудков или предубеждений, которые они могут воплощать или подразумевать*. Социологии бывших имперских центров отличаются от социологий постколониальных стран, социология ведущих или господствующих наций — от социологий угнетаемых и зависимых наций (см. случай индийской социологии и латиноамериканской социологии в сравнении с британской или американской социологией). Извращенный случай — это либерализм, доведенный до предела, когда, защищаясь от стереотипов, предрассудков и тенденциозности, табу «политкорректности» препятствует любой критике меньшинств, групп, определяемых как подавляемые и исключенные, — явная тенденциозность наоборот, столь характерная для современной американской социологии.
9. Социологии *различаются своим институциональным развитием*, т.е. типами институций, в которых проводятся социологические исследования: университеты или исследовательские институты, аналитические центры и т.д., а также общим влиянием социологии по сравнению с другими дисциплинами: своим признанным или маргинальным статусом в структуре академических институций.
10. Если предположить, что социология, ее концептуальная и теоретическая структура отражает характерный социальный опыт, условия жизни людей, тогда национальные или региональные социологии могут также *различаться своими типичными понятиями*. Бенджамин Ли Уорф показал, что у эскимосов есть множество понятий, позволяющих проводить тонкие различия между разновидностями снега, а у африканских кочевников — между разновидностями песка в пустыне (Worf 1957). В том же смысле мы можем наблюдать распространение понятий, относящихся к зависимости, исключению и угнетению в Латинской Америке; государственности, суверенитету, гражданскому обществу в бывших странах-сателлитах Восточной Европы; конфликтам, войнам и голоду в Африке и т.д. В зависимости от своеобразия условий жизни и местных традиций люди придают различный смысл одним и тем же понятиям. Бедность означает разные вещи в Африке и во Франции, деньги имеют разный смысл для жителей Монголии и Норвегии, Макдоналдс — это не один и тот же институт в России и Италии.

В результате этих множественных различий в мире возникла *плюралистическая мозаика социологий*. И снова, этот факт можно оценить по-разному. С одной стороны, мы обнаруживаем *этноцентрическую позицию*, согласно которой существует только одна надежная социология, обычно отождествляемая с западной социологией, которая возникла после эпохи

Просвещения в странах Западной Европы и США. Хуже того, социологи поддаются искушению делать общие выводы о человеческом обществе на основе опыта только одной страны. «Свое собственное общество служит моделью общества вообще, откуда следует, что базовые характеристики универсального общества можно вывести из анализа *этого* общества. Так, Маркс открывает британский капитализм в британском обществе, который он затем распространяет на капитализм современного общества. Вебер универсализирует опыт прусской бюрократии в идеальном типе современной рациональности. И, критикуя «властные элиты», Ч. Райт Милз критикует не только американское общество, но общество как таковое» (Beck 2006: 28).

С другой стороны, существует крайняя релятивистская позиция, согласно которой есть столько равноценных социологий, сколько и обществ, уникальный опыт которых они отражают. Общества — это замкнутые культурные целостности, монады, которые их члены наделяют уникальными значениями, взаимно непроницаемые миры. Общая, универсально применимая теория невозможна. Национально, регионально или цивилизационно укорененные перспективы не поддаются сравнению, они непереводимы и несоизмеримы.

Культура мыслится с точки зрения замкнутых, территориально ограниченных единств, и в своем крайнем выражении (неловкое) молчание несоизмеримых перспектив царит между культурами. Такой взгляд освобождает нас от необходимости диалога и почти неизбежно ведет к империализму, конфликту культур и столкновению цивилизаций (Beck 2006: 30).

Неизбежен ли локальный плюрализм?

Я буду отстаивать среднюю позицию: плюрализм национальных или региональных социологий — это ресурс, а не помеха, это источник богатства, однако он не может исключать единую социологию, поскольку существуют общепринятые основные стандарты, набор понятий, теорий и методов, которые, из-за их однородности, делают социологию одной научной дисциплиной во всем мире.

Дискуссия между этноцентризмом и релятивизмом чаще всего велась в философской или логической плоскости. Самыми распространенными были *эпистемологические аргументы*. Например, среднюю позицию можно защитить, выделяя разные уровни общности, относительно которых оперируют социологические теории. На самом общем уровне все люди схожи и поэтому их коллективные, социальные установления также схожи. Но на более конкретных уровнях люди сильно отличаются друг от друга. Они создают разные цивилизации, культуры, региональную специфичность и этни-

ческие различия. Поэтому на более низких уровнях социология, которая есть не что иное, как систематическая и обоснованная рефлексия о социальной жизни, должна учитывать эти различия. Социология универсального человеческого общества (в единственном числе) и социологии исторически и культурно особенных обществ (во множественном числе) следовательно, не исключают, но дополняют друг друга. В этом суть эпистемологического аргумента.

Однако в этой статье я предлагаю перевести анализ на *онтологический уровень*, на предмет социологии, и посмотреть на общества, которые социология изучает, и что происходит с ними в наше время.

В 1987 г. на конференции Американской социологической ассоциации в Чикаго я утверждал следующее: «Актуальные исторические тенденции, и в социальном, и в социологическом мире работают в сторону растущего сближения и соизмеримости социетальных и социологических понятий. Трансоциетальные и транстеоретические понятия становятся все более и более доступными, загадка несоизмеримости находит решение, и появляются новые акценты и возможности сравнительного исследования» (Sztompka 1990: 50–51).

Затем я сравнил два исторических случая: случай социального мира, составленного из многочисленных, разнородных, дифференцированных, изолированных, замкнутых единств: племен, кланов, этнических групп, наций, государств и т.п. И другой случай — глобализованного общества, в котором центральными становятся гораздо более всеобъемлющие целостности: политические и военные блоки, регионы, экономические зоны, глобальные сети и т.д. И последствия этого исторического сдвига ощущаются на концептуальном уровне. «Что происходит с социетальными смыслами и понятиями (...) в таком глобализованном мире? Очевидно, они подвергаются униформизации благодаря двойному механизму. Во-первых, актуальный опыт, способы жизни и социальные условия становятся все более похожими. А во-вторых, даже если они остаются разными, знание чужого опыта, способов жизни и социальных условий становится более доступным благодаря путешествиям, туризму, масс-медиа, личным контактам. Провинциальное невежество превращается в более *космополитическое воображение*» (Sztompka 1990: 52).

Десять лет спустя Нейл Смелзер выбирает похожую стратегию выведения изменений в социологическом теоретизировании из актуальных изменений в социальном мире. По его словам: «Национальное общество как естественная единица анализа постепенно становится менее значимым. Большинство социальных наук в девятнадцатом веке считало национальные экономики, национальные государства, национальные общества, национальную культуру первичными организационными основаниями социальной

жизни, какими они на самом деле и были. Однако необратимый ход глобализации вместе с агрессивным утверждением субнациональных групп приводит к вытеснению теории, основанной на национальных единствах, теориями, схватывающими взаимопроникновение наднациональных, национальных и субнациональных сил» (Smelser 1999: 22–23).

Двадцать лет спустя очень близкая позиция была сформулирована Ульрихом Беком под названием «космополитический реализм». Он утверждает, что «Реальность становится космополитичной — это исторический факт» (Beck 2006: 68). Он также приходит к схожим выводам относительно неизбежной «космополитанизации» социологии. Современное общество, считает У. Бек, преодолело фазу модерна и уже приобрело новую форму, которую можно назвать «вторым модерном». Ее господствующие, новые черты включают: взаимосвязанность и взаимозависимость людей во всем мире; растущие неравенства в глобальном пространстве; возникновение новых наднациональных организаций в области экономики (мультинациональные корпорации), политики (такие негосударственные акторы, как Международный валютный фонд (МВФ), Мировой банк, Всемирная торговая организация (ВТО), Международный суд ООН), гражданского общества (социальные движения мирового масштаба, как Amnesty International, Гринпис, феминистские организации); новые нормативные принципы, такие как права человека; новые типы и очертания глобальных рисков; новые формы ведения войны; глобальная организованная преступность и терроризм. Их общий знаменатель — космополитизация, т.е. размывание четких границ, разделяющих рынки, государства, цивилизации, культуры — и жизненные миры обычных людей. Особенно глубоким мне представляется подчеркивание того, что космополитизация не действует абстрактно, во внешней макросфере, где-то поверх человеческих голов. Она внутри повседневной жизни людей («банальный космополитизм») и внутри политики, которая на всех уровнях, даже на национальном уровне, должна стать глобальной, учитывая глобальный масштаб зависимостей, потоков, связей, угроз, рисков и т.д. («глобальная внутренняя политика»).

Согласно Беку, реальная объективная трансформация человеческого общества в начале двадцать первого века неадекватно отражается как на уровне социального сознания, так и в социологической методологии. Национальное мировоззрение должно быть заменено космополитическим видением, а методологический национализм должен смениться методологическим космополитизмом. А в более конкретной области политики национальная политика, с ее одержимостью суверенитетом и автономией, должна превратиться в «политику политики», которая на метауровне посвящает себя решению проблем глобального и широкого национального масштаба.

Я подчеркиваю сходство взглядов Смелзера, Бека и моих собственных не для того, чтобы установить приоритет, а для того чтобы показать универсализацию, явно идущую на метауровне: общность взглядов американских, немецких и польских социологов на растущую универсализацию социологии, вызванную реальными, актуальными изменениями в человеческом обществе. Это уже само по себе говорит в пользу тенденции, замеченной каждым из нас.

Одна социология, чувствительная к разнообразию обществ

Возвращаясь теперь к десяти основаниям разнообразия локальных социологий, я попытаюсь показать, что текущие тенденции в социальном мире делают некоторые из них менее значимыми, чем раньше, или даже устаревшими. Короче говоря, социология должна смириться с тем фактом, что область универсального в человеческом обществе быстро расширяется, а область частного сужается.

Существуют два современных процесса, центральных для нашей проблемы: глобализация общества и интернационализация социологии. Как сказал Питер Уорсли, «только в наше время человеческое общество по-настоящему существует» (Worsley 1984). Мы можем расширить и перифразировать это высказывание: «Только в наше время глобальное социологическое сообщество по-настоящему существует». Попробуем перечислить ключевые последствия этих двух процессов.

1. Понятие общества выходит из границ национального государства, оно становится глобальным. Человечество не является больше романтическим, поэтическим или философским понятием, это социологическая реальность. Значение национального государства уменьшается, понятие общества освобождается от государственных границ. Социология может больше не являться социологией польского, французского или русского общества, но быть социологией человеческого общества.
2. Глобальная взаимосвязанность делает локальные социальные проблемы более сходными, по крайней мере для больших групп стран. Социологические проблемы также становятся более сходными. И те, и другие больше не определяются специфическими национальными сценариями.
3. Смысловые системы, концептуальные структуры и релевантные структуры людей подвергаются взаимному приспособлению. Трансоциетальные, универсальные значения возникают в результате реального исторического процесса, открывающего массовые контакты — и прямые, и виртуальные, медийные, что делает жизненные миры более похожими.

4. Важность национальных языков уменьшается (по крайней мере, в академическом дискурсе), и поэтому их влияние на национальные стили социологии становится незначимым.
5. Институциональные различия, касающиеся положения социологии в академическом сообществе, ослабляются господствующей гумбольдтианской традицией исследовательских университетов.
6. Традиционные связи с другими дисциплинами становятся менее важными в эпоху междисциплинарной открытости.
7. Великие мастера присваиваются мировой социологической традицией. Они больше не являются национальными, они стали интернациональными героями и гуру социологии.
8. Теоретические и методологические направления свободно распространяются в мировом социологическом сообществе, входят в мировой банк идей, теряя всякую связь с национальными корнями. Их национальное происхождение забыто благодаря процессу, который Мертон описал как «забвение посредством инкорпорации» (Merton 1996: 30).
9. Глобальные системы коммуникации устанавливаются в среде социологов и институционализируются посредством международных ассоциаций, журналов, конференций и т.д. Поток людей, идей, книг, журналов, электронных сообщений и т.д. создает сходство национальных социологий с точки зрения социологического словаря, моделей, теорий и методов.
10. Сходство социологических программ во всем мире создает сходные компетенции для всех новых специалистов в области социологии. Международные журналы и международные издательства поддерживают общие, единые стандарты качественной социологической работы.
11. Мертоновский механизм «организованного скептицизма» (Merton 1996: 276) — контроль со стороны коллег, открытая дискуссия, критика, наделение репутацией, признание достижений — работает сегодня в глобальном масштабе. Отныне невозможно получить высокое признание в дисциплине, если писать только на своем национальном языке и публиковаться только в своей стране.

Однако диалектика социальной жизни не обходит стороной область, обсуждаемую в статье. Существуют прямые контртенденции, вызываемые глобализацией общества и интернационализацией социологии. Расширение области универсального не уничтожает область частного. Ульрих Бек отмечает, что космополитизация не означает единообразия и гомогенизации. Люди, их группы, сообщества, политические организации, культуры, цивилизации будут (и должны) оставаться разными, иногда даже уникальными. Но, выражаясь метафорически, стены между ними должны быть заменены мостами. Эти мосты в первую очередь должны быть сооружены в голове,

ментальности, воображении людей («космополитическое видение»), но также и в системе норм (права человека), институтах (напр., Евросоюз) и «внутренней глобальной политике», озабоченной транснациональными вопросами (напр., энергетическая политика, устойчивое развитие, борьба с глобальным потеплением, война с терроризмом) (Beck 2006).

Таким образом, на фоне растущего единообразия и гомогенизации — и общества, и социологии — существуют защитные контртенденции. Мы наблюдаем защиту локальных обычаев, ценностей, идентичностей, традиций — более четкое определение и подчеркивание собственного, особенно, отличительного. Существует и острое сознание специфичности локальных социологических традиций и более выраженное определение наших собственных уникальных социологических проблем и акцентов.

Заниматься социологией в соответствии с универсальными глобальными стандартами, использовать единые концептуальные рамки, модели, направления, теории и методы — лишенные всякого локального происхождения и выносимые на суд мирового социологического сообщества — не означает перестать подчеркивать частные локальные проблемы, изучать и решать их, и тем самым посредством оригинальных результатов вносить вклад в сокровищницу социологического знания.

Вышеописанная тенденция также проявляется на уровне методов и техник исследования. Происходит изменение социологической оптики, угла зрения, вызванное крупными переменами в обществе, которые отражаются в понятиях глобализации и интернационализации. Раньше, когда социология, сталкиваясь с относительно независимыми и относительно изолированными обществами (национальными государствами), стремилась понять упомянутые локальные проблемы, ее типичной целью был поиск сходств и общности в океане различий (например, поиск культурных универсалий, законов элементарного социального поведения и т.д.). Теперь, при столкновении с растущей взаимосвязанностью и однородностью мира, типичная задача для социологии, которая отказывается сосредотачиваться только на глобализации, меняется: это поиск оставшейся уникальности, анклавов различий среди единообразия (иными словами, поиск особенностей в универсализированном мире). Самый интригующий вопрос сегодня: почему, несмотря на глобализацию, все еще сохраняется так много разнообразия, и иногда даже более заметного разнообразия, нежели раньше? (Sztompka 1990: 53–56).

Итак, перспектива будущей социологии — ни «одна социология для многих миров», ни «много социологий для одного мира», но в некотором смысле и то, и другое: одна глобальная, международная социология, признающая и исследующая локальное разнообразие в своих познавательных целях. Единообразии мировой социологии и уникальности локальных социоло-

логий — две взаимно обогащающие стороны одного социологического предприятия. Бек называет это «принципом смешения»: «принцип, согласно которому локальные, национальные, этнические, религиозные и космополитические культуры и традиции проникают друг в друга, связываются друг с другом и смешиваются — космополитизм без провинциализма пуст, провинциализм без космополитизма слеп» (Beck 2006: 7). Иными словами, существует только одна социология, но если она хоть на что-то годна, она должна признавать разнообразие человеческих обществ, причем не только утверждать этот факт, но пытаться интерпретировать и объяснять его.

Перевод с английского А.В. Тавровского

Литература

Beck U. *Cosmopolitan Vision*. Cambridge: Polity Press, 2006.

Kuhn T.S. *The Structure of Scientific Revolutions* (2nd ed.) Chicago, IL: University of Chicago Press, 1970.

Merton R. *On Social Structure and Science*. Chicago, IL: University of Chicago Press, 1996.

Smelser N.J. *Sociology as Science, Humanism and Art* // *La Revue Tocqueville*. 1994. XV(1). P. 5–18.

Smelser N.J. *Sociology: Spanning Two Centuries* // Paper presented at conference 'Frontiers of Mind in the Twenty-first Century'. Washington, June. 1999.

Sztompka P. *Robert K. Merton: An Intellectual Profile*. London: Macmillan, 1986.

Sztompka P. *Conceptual Frameworks in Comparative Inquiry: Divergent or Convergent?* // M. Albrow and E. King (eds.) *Globalization, Knowledge and Society*. London: Sage, 1990. pp. 47–60.

Whorf B.L. *Language, Thought and Reality*. Boston, MA: MIT Press, 1957.

Worsley P. *The Three Worlds: Culture and World Development*. London: Weidenfeld and Nicholson, 1984.